
Домработница для Дракона
Лилит Нокс

Лилит Нокс
Домработница для дракона

https://litres.ru/74758293
SelfPub; 2026

Аннотация

Я шла на собеседование в бизнес-центр, а лифт высадил меня прямо в пещеру к двухсотлетнему дракону. И вариантов два: замерзнуть в сугробе или подписать контракт домработницы.

В человеческом облике Вейл чертовски хорош собой: темные волосы, тяжелый взгляд и тело, от которого бросает в жар. Но характер невыносимый. Он ненавидит людей, не терпит лишних слов и привык к одиночеству.

Прошлые домработницы не выдерживали дольше недели. Повариха спит и видит, как выжить меня, в гости без спроса заявляется младший брат хозяина с недвусмысленным интересом, а сам Вейл с каждым днем держит дистанцию все хуже.

Потому что домработниц нанимают для уборки. А не для того, чтобы сходить с ума от каждого случайного прикосновения.

- Ворчливый и притягательный дракон-интроверт
- Неунывающая попаданка со здравым смыслом
- Наглый и обаятельный брат
- Вынужденное сожительство и искры от случайных касаний
- Ревнивая соперница и её козни
- Настоящая страсть без пошлости

- Хэппи-энд гарантирован!

Содержание

Глава 1. Вакансия с сюрпризом 5
Глава 2. Утро вечера мудренее, но не сегодня 14
Глава 3. Права доступа 25
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Лилит Нокс
Домработница для дракона

Глава 1. Вакансия с сюрпризом

Если бы мне сказали, что дверь грузового лифта в бизнес-центре «Галактика» ведёт не в подвал, а в пещеру с драконом, я бы, наверное, посмеялась.

Но я не смеялась.

Я стояла на холодном каменном полу в кроссовках и лёгкой куртке, с сумкой, в которой лежал телефон с резюме и бутерброд с колбасой, и смотрела на люстру из чьих-то позвонков. Позвонки были большие, и я решила не присматриваться, чьи именно.

Пещера дышала холодом — не уличным, который забирается под куртку, а каменным, тяжёлым, будто сам воздух здесь весил больше положенного. Где-то капала вода, в стенах чадили факелы, и пахло серой, старой пылью и почe-

му-то корицей.

Я сделала шаг назад и наткнулась на камень: створки лифта за спиной уже закрылись. Просто вжик — и гладкая скала.

— Твою мать, — сказала я вслух, и звук вышел придушенным, будто меня завернули в одеяло.

— Согласен, — раздалось сверху. — Не самое изящное приветствие, но я привык.

Я задрала голову. На скальном карнизе, метрах в пяти надо мной, лежал дракон. Здоровый — не «ой, какая ящерка», а «ой, почему потолок такой низкий». Чешуя тёмная, с синеватым отливом, рога загнуты назад, как у горного козла, только толщиной с моё бедро. Глаза жёлтые, с узким вертикальным зрачком. Один глаз был прищурен, а второй смотрел на меня с невыносимо усталым видом. Дракон зевнул, показав внушительный частокол острых белых зубов.

— Ты опоздала, — сказал он.

— Я что? — Я посмотрела на часы, потом на ящера. — Это квест такой? Потому что я шла на собеседование в «Галактику», на должность помощника руководителя.

Дракон моргнул — медленно и один раз.

— Помощник руководителя, — повторил он с таким выражением, будто ему предложили жевать песок. — Терпеть не могу канцелярщину. Звучит так, будто ты будешь советовать мне, как править пещерой. Твоя должность — домработница. Будешь мыть полы, разгребать завалы и следить, чтобы в библиотеке книги не сожрала сырость.

— Я вообще не к вам шла, — сказала я, пятясь к стене. — Мой офис на шестом этаже.

— Ты пришла ко мне. В лифт, который ведёт к моему порогу. — Он наклонил морду. — Давай упростим, у меня голова раскалывается. Ты Ника Ветрова? Двадцать пять лет, диплом библиотекаря, три года стажа в городской библиотеке имени Крупской?

Я замолчала. В резюме было написано ровно это, но файл лежал в телефоне, я его даже распечатать не успела.

— Откуда вы знаете?

— Из контракта. — Дракон шевельнул лапой, и на загнутом когте качнулся пергаментный свиток. — Мне нужен был человек для порядка, тебе — работа. Я подписал, ты подпи-

сала, магия вступила в силу.

— Я ничего не подписывала!

— Подписала. — Он протянул лапу, свиток плавно развернулся в воздухе, и внизу синими чернилами оказалась моя подпись — с той самой дурацкой закорючкой на букве «Н», которая бесила всех учителей в школе.

— Это подделка.

— Это магия контракта, — дракон шумно выдохнул, заставив факелы качнуться. — Я не люблю людей. Они шумные, пахнут мылом и задают глупые вопросы. Но мне нужен порядок. Я живу здесь двести лет. Готовит у меня Мирна, а вот полы мыть и спасать книги некому. Прежний слуга сбежал, и библиотека зарастает пылью. Контракт на месяц. Отработаешь честно — лифт откроется, вернёшься домой. Будешь отлынивать — контракт автоматически продлится. Всё просто.

Я смотрела на него, он смотрел на меня, где-то капала вода, и пахло почему-то корицей.

— Месяц, — сказала я. — В пещере. Домработницей у дракона.

— У меня, — уточнил он. — И в библиотеке фолианты руками без надобности не лапать.

— А фамилия у вас есть? — спросила я. — Для трудовой книжки.

— Вейл. Этого достаточно.

Он развернулся — тяжело, переступая мощными лапами, хвост прочертил по полу дугу — и пошел вглубь пещеры. Деваться было некуда: позади глухая скала, впереди чешуйчатый наниматель. Я подхватила сумку и пошагала следом.

Мы миновали ряд колонн, и камень под подошвами кроссовок сменился гладкими плитами.

А потом я увидела кресло.

Оно стояло у огромного камина — старое, дубовое, с продавленным кожаным сиденьем и отполированными до блеска подлокотниками. Рядом высился стол, заваленный книгами, свитками и раскрытыми фолиантами. Книги громоздились на полках вдоль стен, на каменных выступах, даже на полу стопками в человеческий рост.

Я уставилась на кресло, потом на пятиметрового дракона.

— Это чьё?

— Моё, — отозвался Вейл, не оборачиваясь.

— Вы в него… садитесь?

Вейл остановился, повернул морду и посмотрел на меня так, будто я спросила что-то неприличное.

— Я в него сажусь. Каждый вечер. С книгой.

— Но вы же… крупногабаритный.

Вейл издал долгий выразительный вздох — так вздыхают люди, которым приходится объяснять таблицу умножения в десятый раз.

— Ника, — уронил он. — Я дракон. Драконы не обязаны круглосуточно топтать пол когтями.

Воздух вокруг него подернулся рябью, как над горячим асфальтом. Дракон стал оседать в размерах — не мгновенно, а медленно, будто с натугой стягивал с себя тяжеленную шубу. Чешуя ушла, крылья втянулись, рога растаяли. Через

несколько секунд передо мной стоял мужчина.

Очень высокий. Широкие плечи, жилистые руки с красивыми пальцами, темная свободная рубаха без пуговиц и простые штаны. Темные волосы были взлохмачены, а на человеческом лице желтые глаза с вертикальным зрачком смотрелись так остро, что взгляд цеплялся за них сам собой.

— Так понятнее? — спросил он низким голосом с легкой хрипотцой.

— Вполне, — выдохнула я.

— Твоя каморка за кладовой, — он махнул рукой в темный проход. — Вон там кухня, туда без надобности не лезь, там командует Мирна, она готовит. Твое дело — жилая зона и библиотека. Спасай свитки от сырости, выметай вековую пыль и не трогай мои закладки.

Он опустился в кресло, кожа глухо скрипнула под его весом. Вейл тут же открыл книгу и углубился в чтение, вычеркнув меня из реальности.

Я постояла пару секунд, поняла, что указаний больше не будет, нашла свою каморку — крошечную комнатку с топчаном и табуретом — и бросила сумку на кровать. Бутерброд с

колбасой я съела прямо сидя на топчане. Во рту пересохло, и я решила сходить на кухню набрать воды.

Кухня оказалась просторной каменной залой с очагом. Возле разделочного стола стояла женщина — высокая, с косой до пояса, в темно-бордовом платье, которое обтягивало её так нарочито, словно его шили с конкретной целью соблазнить хозяина замка. В руке у неё блестел нож.

— Ты, значит, новая, — произнесла она ровным голосом.

— Ника. Домработница. Пришла за водой.

— Я знаю, кто ты. — Она аккуратно положила нож на доску. — Я Мирна. Кухня под моим началом, я готовлю нашему лорду. Не обольщайся насчет контракта. Он людей не жалует, всего лишь терпит ради порядка. Пройдет месяц — и он тебя забудет. Под ногами у него не путайся.

Я посмотрела на неё, на её косу и надменный взгляд.

— Спасибо за предупреждение, — спокойно сказала я. — А ведра и тряпки где брать?

Мирна моргнула, медленно и один раз. Видимо, ждала слез или скандала.

— В кладовой напротив, — процедила она. — Слева от входа.

И отвернулась к очагу.

Я набрала воды в глиняную кружку, вернулась в библиотеку, нашла в кладовой старое ведро и деревянную швабру с куском грубого полотна. Вышла в центр огромного книжного зала, посмотрела на горы пыльных фолиантов и засучила рукава.

«День первый, — подумала я, глядя на корешки старинных книг. — Никакой паники».

Глава 2. Утро вечера мудренее, но не сегодня

Просыпаться в пещере без окон — то ещё удовольствие. Открываешь глаза и понятия не имеешь: то ли сейчас пять утра, то ли полдень, то ли вообще следующий четверг.

Я полежала пару минут, глядя в каменный потолок, и честно попыталась убедить себя, что вчерашний дракон мне просто приснился. Но одеяло кололось и пахло овцой, у топчана сиротливо стояли кроссовки, а на табуретке лежали вчерашние джинсы и растянутый серый свитер. Другой одежды в этом санатории не выдавали.

За дверью кто-то царапался — размеренно, когтем по толстой дубовой доске. Звук получался противный, вроде скрипа пенопласта по стеклу.

Я села, чертыхаясь натянула холодные джинсы и свитер, нащупала резинку для волос и кое-как собрала хвост. Зеркала не было, расчески тоже, так что я решила просто не ду-

мать о том, на кого похожа.

Царапанье повторилось, уже повыше.

— Если это проверка на стрессоустойчивость, то я провалила её ещё в лифте! — крикнула я и отодвинула тяжелый кованый засов.

Дверь открылась, и я посмотрела вниз.

На пороге сидел дракон.

По сравнению с Вейлом — подросток, ростом примерно с крупную лошадь, если бы лошадь решила стать ящерицей. Чешуя светлая, с медным отливом, рожки короткие, а глаза янтарно-рыжие, круглые и очень любопытные. Он пошевелил ноздрями, обнюхал мой кроссовок и фыркнул.

— Брысь, — сказала я на всякий случай.

Дракон наклонил голову, моргнул и начал меняться. Не быстро, а лениво, будто стягивал с себя тяжёлую зимнюю куртку: чешуя ушла, крылья сложились и втянулись, рога растаяли в волосах.

Через пару секунд передо мной на корточках сидел па-

рень.

Высокий, почти как Вейл, но шире в плечах. Светлые волосы падали на лоб, рубашка нараспашку, рукава закатаны, а на предплечье — татуировка в виде драконьего хвоста. И улыбка — наглая, широкая, какая бывает у парней, привыкших, что им всё сходит с рук.

Он поднялся одним легким движением, в один шаг оказался вплотную ко мне и привалился плечом к косяку.

— Я слышал, у нас новая домработница, — сообщил он, разглядывая меня с ног до головы. — Ты ведь Ника?

— Допустим. А ты кто?

— Гром. Брат того ворчуна, который вчера тебя сюда притащил. — Он опустил глаза на мои босые ступни, потом снова посмотрел в лицо. — Вейл вчера весь вечер бубнил, что у него завелась дерзкая домработница из библиотеки. Я думал, там сухонькая старушка с картотекой, а тут такой сюрприз.

— Сюрприз занят, — сказала я и взялась за ручку двери. — Мне пора мыть полы.

Гром перехватил мою руку. Пальцы у него были горячие и сухие. Он даже не сжал запястье — просто держал, поглаживая большим пальцем кожу у вен.

— Куда спешишь? Пыль за двести лет никуда не убежала, и за полчаса не денется. Со мной повеселее будет, гарантирую.

— Руку убрал, — сказала я очень спокойно. — Или я проверю, насколько хорошо драконы держат удар чугунным засовом по рогам.

Гром захохотал, запрокинув голову, но руку отпустил, подняв ладони в шутливом жесте капитуляции.

— С характером. Люблю таких.

— Гром.

Голос долетел из коридора. Низкий, тяжелый, от которого сразу захотелось выпрямить спину.

Вейл шел неслышно, несмотря на сапоги. В своей темной рубахе без пуговиц и с мокрыми после мытья волосами. Смотрел он исключительно на Грома, и во взгляде этом читалось искреннее желание свернуть кому-то шею.

— Ты почему ещё не в воздухе? — спросил Вейл, останавливаясь в паре шагов.

— Ветер встречный, — не моргнув глазом соврал Гром. — Да и позавтракать хотелось. Мирна сегодня расщедрилась на баранину.

— Пошел в столовую, — сказал Вейл.

Гром подмигнул мне и пошел по туннелю, засунув руки в карманы и насвистывая под нос.

Вейл остался. Он медленно перевел взгляд на меня, посмотрел на босые ноги, потом на свитер.

— Обуйся, — сказал он хмуро. — Пол ледяной. Заболеешь — некому будет разгребать архив.

— И тебе доброе утро, — отозвалась я, натягивая кроссовки. — Спасибо за трогательную заботу.

Он промолчал и развернулся.

Завтракали в сводчатой столовой у кухни.

Мирна хлопотала вокруг Вейла, как наседка над единственным цыпленком: на столе дымилось запеченное мясо с чесноком, высилась стопка горячих лепешек и стоял кувшин с густым взваром.

— Мой лорд, мясо свежайшее, я запекла его с розмарином, как вы любите, — щебетала повариха, подсовывая Вейлу лучшее блюдо и специально наклоняясь так, чтобы вырез платья оказался прямо перед его глазами.

Вейл на декольте даже не взглянул. Он молча положил себе кусок мяса, взял лепешку и принялся методично жевать, не поднимая глаз от тарелки.

Мне Мирна тарелку буквально швырнула на край стола, окатив ледяным взглядом: ешь, мол, подачку и знай свое место.

Я молча взяла лепешку. Готовила эта стерва, надо признать, превосходно — мясо таяло на языке. Гром умял половину блюда за пять минут, щедро поливая лепешки медом и стреляя в меня насмешливыми взглядами через стол.

— Всё, — Вейл отставил пустую тарелку, поднялся и посмотрел на меня. — В южном крыле библиотеки потек свод. Нужно перенести нижние полки свитков в сухой угол и про-

тереть полки.

— Поняла, — кивнула я, допивая взвар. — Сделаю.

Мирна скрипнула зубами так, что я услышала через весь стол: сам факт того, что Вейл говорил со мной, вызывал у неё тихую истерику.

Весь день я провела в пыли. Некоторые свитки от сырости слиплись, и мне пришлось аккуратно, кончиком тупого ножа, разлеплять пергаменты, чувствуя себя полевым хирургом. Я чихала от вековой пыли, оттирала мокрой тряпкой каменные полки и заносила названия древних книг в свой блокнот. Работа была тяжелой, но привычной — в читальном зале Крупской я и не такие архивы спасала.

После полудня в библиотеку заглянул Гром.

Увидев меня на шаткой деревянной лесенке под самым потолком, он присвистнул:

— Ты что, решила весь этот хлам в одиночку перетаскать?

— Это не хлам, а хроники восточных скал третьего века, — пропыхтела я, пытаясь вытащить тяжеленный обитый медью фолиант. — И если ты не собираешься помочь, отойди,

чтобы я на тебя не упала.

Гром хмыкнул, подошел к лестнице, играючи перехватил фолиант прямо из моих рук и опустил на стол. Потом так же легко снял еще четыре пухлых тома и подал мне тяжелое ведро с водой.

— Упрямая ты, библиотекарь, — сказал он, облокачиваясь на стеллаж и разглядывая мои перепачканные пылью щеки. — Вейлу такие не попадались. Он привык, что Мирна ему в рот смотрит, а остальные разбегаются.

— Он всегда такой неразговорчивый? — спросила я, вытирая лоб рукавом.

— Всегда, — пожал плечами Гром. — Он нас двоих тянул, сколько себя помню. Отец ушел, мать тоже. Вейл меня растил один: сам не ел, мне кусок отдавал, учил летать, вбивал в башку, что дракон никому ничего не должен. Сам не жил и мне не давал. Теперь вот считает, что я вырос разгильдяем.

— А ты, значит, назло ему разгильдяйничаешь?

— А зачем страдать, если можно радоваться? — Гром подмигнул мне. — Полетели со мной к ущельям, Ника? Покажу долину сверху. Бросай свои пыльные тряпки.

— Гром. Во-первых, я боюсь высоты. Во-вторых, у меня контракт. А в-третьих, если эти свитки сгниют, твой брат сожрет меня без соли.

Гром рассмеялся — легко, свободно, эхо покатилось под сводами библиотеки, — щелкнул меня по носу и пошел к выходу.

— Ты подумай. Предложение в силе.

К вечеру руки гудели, а спина отваливалась. Я перенесла тридцать ящиков с пергаментами, вымыла пол в трех залах и еле дотащилась до своей каморки. Упала на топчан прямо в джинсах и закрыла глаза.

В дверях послышался шаг.

Я открыла глаза. В проеме стоял Вейл. Он держал в руках массивный том в темно-зеленой кожаной обложке.

— Держи, — он шагнул внутрь и положил книгу на край топчана.

— Что это?

— Справочник по анатомии и повадкам драконов. Чтобы знала, с кем живешь под одной крышей, и не пугалась тени.

Я взяла книгу. Кожа переплета была теплой. Не просто нагретой у камина — она хранила плотное, живое человеческое тепло, словно Вейл держал её в руках целый вечер, прежде чем прийти ко мне.

— Спасибо, — сказала я тихо.

Вейл дернул плечом, словно это простое «спасибо» его обожгло. Челюсти сжались.

— Гром привык брать всё, что видит, — сказал он, глядя в стену над моей головой. — Потому что я его так вырастил. Не крутись возле него.

— Он мне уже рассказал, — ответила я, глядя прямо в его вертикальные зрачки. — Про то, как ты его вырастил.

Вейл замер. Глаза у него потемнели, желтые радужки блеснули яростью.

— Это не твое дело. Твое дело — библиотека и чистота. Не лезь туда, куда не звали.

Он развернулся к выходу, дошел до двери — и замер. Встал в створе, заслонив коридор широкими плечами.

Он молчал секунд десять. Потом тяжело выдохнул, опустив плечи.

— Спокойной ночи, Ника.

И шагнул в темноту туннеля.

Я осталась сидеть на топчане, прижимая теплую книгу к груди. Кожа переплета грела ладони через ткань свитера, и спать расхотелось напрочь.

Глава 3. Права доступа

Шаги Вейла затихли в коридоре, а я сидела на топчане и смотрела на зеленую обложку.

«Анатомия и повадки горных змеев третьего круга». Том был пухлый, в четверть аршина толщиной, переплетенный в крепкую телячью кожу с медными уголками.

Я открыла наугад. Пергамент шелестел жестко, листы были исчерканы мелкой черной тушью: подробные таблицы веса, схемы костяка, расчет подъемной силы крыльев на разной высоте над уровнем моря. Автор книги явно был практиком без сентиментов.

На схеме грудной клетки дракона, прямо поверх аккуратно вычерченных ложных ребер, стояла приписка знакомым колючим почерком: «При ударе снизу ломаются внутрь. Не давить, срастается криво».

Я провела пальцем по высохшим чернилам. Зачем он принес мне эту книгу? Чтобы очертить границы или показать, с

кем я делю кров?

Сна не было. В каморке стоял холод, изо рта при дыхании поднимался едва заметный пар, и я натянула куртку прямо поверх свитера. В животе заурчало: вечерний кусок солонины давно сгорел без следа. Часов на руке не было, мобильник в сумке сдох еще утром, превратившись в бесполезный кусок пластика со стеклом. Сколько сейчас времени в нормальном мире — полночь или четыре утра — оставалось только гадать.

Я сунула ноги в кроссовки, решив дойти до кухни и поискать хоть корку хлеба.

В туннеле горели редкие факелы, вставленные в железные кольца на высоте человеческого роста. Копоть от них поднималась к темному своду и оседала на шершавом камне. Я шла тихо, придерживаясь рукой за стену, пока впереди не замаячил неровный желтый отсвет очага.

Кухня не спала.

Возле разделочного стола стояла Мирна. В одном тонком исподнем платье винного цвета, без фартука. Ткань натягивалась на высокой груди и бедрах так плотно, подчеркивая каждый изгиб ее крепкого тела. Длинная темная коса тол-

щиной в руку была перекинута через плечо, кончик касался узкой талии. Она была хороша собой той породистой, зрелой женской красотой, от которой на ярмарках мужчины сворачивают шеи: гладкая смуглая кожа, сочные губы, высокая шея.

Перед ней на столе стояла миска с очищенными орехами и глиняный кувшин. Мирна растирала ядра в каменной ступке пестиком.

Услышав шаги, она даже не повернулась. Только расправила плечи, отчего вырез платья натянулся еще сильнее.

— Вейл? — спросила она низким, грудным голосом, в котором звенела неприкрытая нежность. — Я как раз взвар на травах дотираю. Ты вчера жаловался на плечо...

Она обернулась с мягкой, влажной улыбкой. И тут же замерла.

Улыбка сползла с её лица, оставив ледяную, яростную усмешку. Мирна сжала пестик так, что костяшки пальцев побелели.

— Ты? — выплюнула она, окинув меня взглядом снизу доверху: мои старые джинсы, растянутый свитер, растрепан-

ный хвост. — Какого черта ты шастаешь по ночам?

— Воды набрать, — ответила я, останавливаясь у порога. — И хлеба, если есть.

— Хлеб в ларе, ларь под замком. А вода в колодце во дворе.

— В баке у печи полно воды.

— Не для тебя налито, — Мирна шагнула ко мне. Она была на полголовы выше меня, статная, пышущая силой и тем особым женским жаром, который появляется у тех, кто привык бороться за своего мужчину зубами. — Ты думаешь, я не видела, как он к тебе заходил? Книжку он ей принес. До тебя девки умнее были: пол помыли, объедки забрали и сидят в своей норе тише мышей. А ты глаз на чужое кладешь?

— Мне твой лорд даром не сдался, — сказала я, глядя ей прямо в переносицу. — У меня контракт на месяц. Отмою его библиотеку и вернусь в свой город на метро кататься.

Мирна сделала еще шаг, оказавшись вплотную. Глаза у неё были темные, почти черные, с расширенными зрачками:

— Никуда ты не вернешься. Либо на скалах замерзнешь,

либо сама с них спрыгнешь через две недели. Как и предыдущие служанки. Вейл — мой. Я за ним три года хожу, каждую чешуйку на его спине знаю, мясо ему лучшее выбираю, постель взбиваю. Он ко мне привык. А тут лифт привез какую-то серую мышь из другого мира, и он ей книги таскает?

— Так пойди и выскажи это ему, — посоветовала я. — Чего ты на меня шипишь? Боишься, что он тебя даже слушать не станет?

Лицо Мирны перекосило от злости. Она занесла руку с пестиком, но я не сдвинулась с места. В районной библиотеке меня пытались воспитывать подшивкой газеты за семьдесят восьмой год, так что пестиком меня было не удивить.

Она сдержалась. Опустила руку, криво усмехнулась красивыми полными губами:

— Посмотрим, как ты запоешь, когда замок снегом завалит. Пей свою воду и проваливай.

Я подошла к баку, зачерпнула ковшом ледяной воды, выпила, отерла губы ладонью и пошла к себе.

Когда в туннеле посветлело, я уже стояла в южном крыле библиотеки.

Крыша здесь текла всерьез. Вода сочилась по каменной кладке тонким ручьем прямо за третий стеллаж. На нижней полке вздулся пергамент в тяжелом окладе, с кожаных корешков соседних томов свисала зеленоватая плесень.

Я притащила деревянную стремянку, приставила к полкам и полезла наверх спасать верхние ряды. Свитки были промерзшие, трещали под пальцами. Я снимала их по два, прижимала к груди и спускалась, складывая на широкий стол возле входа.

На десятом заходе левая нога соскользнула со ступени. Раздался резкий треск: подошва старого кроссовка оторвалась на мыске, зацепилась за край перекладины, и меня резко мотнуло вбок. Я выпустила пергаменты из рук, потеряла опору под ногами и полетела спиной назад с двухметровой высоты прямо на каменные плиты.

Удара не случилось.

Меня сгребли на весу. Плечо врезалось в чью-то ключицу, по ребрам мазнуло тяжелой ладонью, и меня прижали к груди так, что затрещали швы на старом свитере.

Вейл не удержал равновесие от удара и сам отшатнулся на

полшага назад, выругавшись сквозь зубы.

Мы застыли посреди зала. Я судорожно вцепилась пальцами в его предплечья, пытаясь нащупать опору. Под ладонями были жесткие мышцы и ткань рубахи. Его тело пылало жаром.

Вейл держал меня одной рукой поперек спины, второй перехватил под коленом, не давая сползти на плиты. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. Он тяжело сопел носом, а янтарные зрачки вытянулись в две тонкие черные щели.

Пальцы на моем боку сжались. Он держал меня секунды три, не разжимая их, и я чувствовала, как под его рубахой ходит грудная клетка — часто и неровно.

— Ты нормальная вообще? — процедил он сквозь зубы. Голос сорвался на хрип.

— Стремянка сгнила, — я с трудом протолкнула слова через пересохшее горло, глядя на его шею, где колотилась крупная жила.

Вейл сжал челюсти, медленно опустил мои ноги на плиты и тут же отдернул руки. Сделал шаг назад, уперев кулаки в

бока.

Его взгляд опустился на мои ноги. На разорванный кроссовок, где сквозь дыру в подошве уже сиротливо торчал серый шерстяной носок.

— Твою мать, — сказал он устало.

— Сама вижу, — огрызнулась я, одергивая свитер. Сердце колотилось в ушах, а бок, за который он держал меня, саднило от его пальцев.

— Почему ты в этой дряни? Где обувь?

— У Мирны спроси. Сказала, прислуге не положено портить хозяйские вещи.

Вейл не стал тратить слова. Лицо его потемнело. Он развернулся и пошел к кухне широкими шагами.

Я прихрамывая пошла следом, чувствуя, как место на талии, где лежала его ладонь, горит огнем.

Мирна сменила ночной наряд на зеленое платье с вырезом. Она выкладывала на деревянное блюдо горячие лепешки. Увидев Вейла, она расцвела дежурной улыбкой:

— Мой лорд, завтрак готов...

— Ключ от нижнего склада, — перебил Вейл. Он даже не остановился, навис над столом, уперев кулаки в столешницу.

Мирна осеклась. Взгляд её метнулся ко мне, привалившейся к косяку, и улыбка сменилась полосой сжатых губ:

— Вейл, там же ценные вещи...

— Ключ. На стол. Сейчас же.

В его голосе не было крика, но от этого низкого рыка медная посуда на полках мелко зазвенела. Мирна дернулась, полезла в карман фартука и швырнула медную связку на доску.

Вейл сгреб ключи и бросил мне через плечо:

— За мной.

Мы спустились по винтовой лестнице на два яруса вниз, в темный каменный тупик. Вейл провернул ключ в кованой двери, толкнул тяжелую створку, оставив связку торчать прямо в замке снаружи.

Внутри склада стояли ряды сундуков. Он подошел к длинному ларю, рывком откинул крышку.

— Сапоги на третьей полке. Носки в узле. Живо переобувайся и марш в библиотеку. Чтобы через десять минут этого рванья на тебе не было.

Он встал в створе двери, скрестив руки на груди, перекрывая выход широкими плечами. Смотрел на меня сверху вниз, жестко и отчужденно.

Я нашла в сундуке пару промасленных кожаных сапог на овечьей подкладке, села на лавку и быстро стянула драный кроссовок. Босая ступня коснулась ледяных плит, пальцы свело от холода.

Вейл дернул подбородком, отвернулся к каменной стене, но взгляда из хранилища не отвел.

— Почему здесь женские вещи? — спросила я, натягивая шерстяной носок. — Откуда они?

— От прежних работниц, — отрезал он.

— Мирна сказала, они плохо закончили.

Вейл повернул голову. Янтарные глаза блеснули холодом:

— Меньше слушай Мирну, если хочешь спокойно дожить до конца контракта. Те, кто работал честно, получили расчет и вернулись домой. А те, кто совал нос не в свои дела, замерзли на перевале, переоценив свои силы.

Он шагнул вперед, вынул из сундука короткую овчинную безрукавку и швырнул мне на колени:

— Надень. И заруби себе на носу, Ника: ты здесь не для задушевных бесед. Работай молча. Завтракай со всеми. И не подходи ко мне ближе, чем нужно для дела. Поняла?

— Предельно, — ответила я, затягивая медные крючки на сапоге.

Вейл шагнул вглубь хранилища к дальней стене, где громоздились тяжелые ящики с инструментами, чтобы проверить железные крепления нижнего воздуховода.

Я натянула второй сапог, поднялась с лавки и надела безрукавку. Я продела руки в проймы, застегнула костяные пуговицы и машинально сунула ладони в глубокие внутренние карманы, чтобы расправить складки на груди.

Пальцы правой руки наткнулись на что-то жесткое и гладкое.

Это была не монета и не пряжка.

Я вытащила находку на свет подвесного масляного фонаря.

На ладони лежал пластиковый прямоугольник на синей текстильной ленте с металлическим карабином.

Пропуск-бейдж.

В левом верхнем углу четко темнел знакомый логотип бизнес-центра «Галактика». Ниже — цветная фотография круглолицей девушки со светлыми волосами и усталым взглядом. Черный типографский шрифт гласил: «Елена Воронова. Главный библиограф архивного сектора. Пропуск 047. Действителен до 15 ноября».

Год выдачи был позапрошлым.

Под прозрачным пластиковым кармашком бейджа, сложенный вчетверо, лежал вырванный листок из школьной тетради в клетку. Записи были сделаны обычной синей шариковой ручкой — торопливый, прыгающий почерк, продавлен-

ный в бумагу до разрывов:

«Он врет про возвращение домой. Никто отсюда не уходит. Лифт открывается только кровью хозяина, но он не отдаст ее добровольно. Они забирают нас специально перед каждой шестой луной. Шестая луна — это не срок службы. Это...»

Фраза обрывалась. Нижний край листка был оторван и чем-то испачкан.

Воздух вокруг меня стал ледяным. Мое появление в лифте не было ошибкой.

Я судорожно затолкала пропуск обратно в глубокий карман безрукавки.

В этот миг наверху с оглушительным грохотом захлопнулась кованая дверь склада.

Снаружи лязгнул металл: кто-то провернул оставленный в скважине ключ. Один раз. Второй.

По каменным ступеням торопливо зашуршали удаляющиеся шаги — легкие, с шорохом длинного подола. Мирна.

От резкого удара двери сквозняк сорвал пламя подвесного фонаря. Фитиль зашипел и погас.

Склад проглотила абсолютная, непроглядная тьма.

Я вжалась спиной в каменные плиты стены, прижимая локоть к карману с пропуском, не смея пошевелиться.

В двух шагах от меня, в густой темноте, вспыхнули два узких янтарных зрачка, светящихся расплавленной медью.

— Твою мать, — процедил Вейл во тьме прямо надо мной, и его голос сорвался на низкий звериный рокот. — Она заперла нас снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.